

ДОГОВОР СО ВРЕМЕНЕМ

АВТОР: ПУГАЧЕВ МАКСИМ

Максим Пугачев
Договор со временем

«Автор»

2026

Пугачев М. В.

Договор со временем / М. В. Пугачев — «Автор», 2026

Я вёл обыденную жизнь: дом, работа, повседневная рутина, свойственная простому человеку. Однако однажды лавка, находящаяся между мирами, изменила мою судьбу — я оказался в эпохе самураев с неведомым для моего мира проклятьем. Необходимо было принять решение, и я твёрдо вознамерился идти до конца, что бы ни произошло.

Максим Пугачев

Договор со временем

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ТАЙНУ

Часть 1. Среда обитания:

Едва Кёнсу стукнуло двадцать четыре, и он начал работать младшим дизайнером в небольшой студии, которая занимается оформлением сайтов для локальных доставок еды. Работа не пыльная, но смертельно скучная. Его будни — это бесконечный цикл из серых прямоугольников на мониторе, шума кулеров в системном блоке и запаха дешёвого рамена, который, кажется, уже въелся в обои его съёмной квартиры. Каждый день похож на предыдущий, и Кёнсу порой кажется, что его жизнь — это монотонная рутина, из которой нет выхода.

Кёнсу жил в типичной «панельке» на окраине Сеула. Квартира была такой маленькой, что кухня и комната составляли единое пространство, разделённое лишь барной стойкой. Стены были почти голыми, и единственным украшением интерьера был постер с изображением ночного Токио, который он купил в переходе метро три года назад. Под постером стоял его главный компаньон — электрическая рисоварка, которая, казалось, видела больше его дней, чем что-либо другое в этой квартире. Иногда Кёнсу думал, что рисоварка — единственный предмет, который понимает его без слов.

Его день начинался не с восхода солнца или чашкой кофе, а с назойливого писка будильника на старом кнопочном телефоне.

07:30. Кёнсу с трудом разлеплял веки. Комната была погружена в полумрак, который не мог разогнать даже свет уличного фонаря за окном. Он шаркал ногами по полу, на ощупь находил тапочки и шёл в ванную.

Умывание было механическим: плеснуть водой в лицо, почистить зубы, глядя в зеркало на своё заспанное отражение с отпечатком подушки на щеке. В эти моменты он часто задумывался, что ждёт его впереди, но мысли быстро рассеивались, уступая место привычной рутине.

08:00. Завтрак. Это слово звучало слишком пафосно для того, что происходило на самом деле. Кёнсу ставил на стол пластиковую миску, бросал туда брикет сухого рамена, заливал его кипятком из электрического чайника и накрывал крышкой. Пока лапша заваривалась, он листал ленту новостей на смартфоне. Мир снаружи кипел жизнью: где-то проходили яркие события, люди достигали успехов, а технологии развивались с невероятной скоростью. Но Кёнсу просто наблюдал за всем этим через экран, чувствуя себя оторванным от реального мира.

09:00–18:00. Офис. Опен-спейс на пятнадцатом этаже бизнес-центра. Воздух здесь был сухой и кондиционированный до состояния стерильности. Кёнсу сидел за своим столом у окна, выходящего на соседнее здание — такое же серое и безликое. Его задача заключалась в том, чтобы подбирать шрифты для кнопок «Заказать» и «Положить в корзину». Он делал это на автомате, почти не задумываясь. В обеденный перерыв он не ходил с коллегами в кафе, а доставал из рюкзака термос с остатками утреннего рамена или шёл в ближайшую забегаловку за новой порцией. Иногда он замечал, как коллеги весело общаются, и завидовал им, но не мог найти в себе сил присоединиться к их компании.

Вечером он возвращался домой тем же маршрутом: метро — переход — узкая улица с неоновыми вывесками лапшичных. Дома он снова готовил рамен. Иногда, если настроение было особенно тоскливым, он покупал в круглосуточном магазине замороженные пирожки с клюквой — странный корейско-русский фьюжн, который продавался только в этом районе. Кислая начинка обжигала язык и немного отвлекала от пустоты внутри. В эти моменты он думал о том, что, возможно, стоит что-то изменить в своей жизни, но страх перед неизвестностью всегда останавливал его.

19:00–23:00. Время «сычевания». Кёнсу включал компьютер не для работы, а чтобы посмотреть дораму или аниме. Он не следил за новинками, предпочитая пересматривать старые сериалы, сюжет которых он знал наизусть. Это создавало иллюзию уюта и предсказуемости. Он лежал на футоне, закутавшись в плед, и смотрел на экран сквозь полуприкрытые веки. В эти моменты он мог ненадолго забыть о своей рутине и погрузиться в мир героев, которые переживали яркие и захватывающие приключения.

В одиннадцать вечера он выключал свет и лежал в темноте, слушая шум города за окном. Сон приходил тяжело, принося с собой обрывки чужих диалогов и образы из сериалов. Так проходил вторник. Так проходила среда. Так проходила вся его жизнь — ровная линия на кардиомониторе спящего человека. И хотя иногда Кёнсу мечтал о переменах, страх и неуверенность в себе удерживали его от любых решительных шагов.

Часть 2. Гладь

День выдался особенно тяжёлым. Кёнсу, веб-дизайнер, уже несколько часов корпел над сайтом заказчика. Сначала тот потребовал поменять цвет фона с «спокойного бежевого» на «энергичный персиковый», а потом передумал и попросил вернуть всё как было, но при этом сделать кнопку «Добавить» более «дружелюбной». Кёнсу с досадой подумал, что уже не в первый раз сталкивается с такими противоречивыми требованиями. Он вздохнул и снова погрузился в работу, пытаясь представить, как можно визуальнее «очеловечить» кнопку, чтобы она действительно выглядела «дружелюбно». К концу рабочего дня у Кёнсу болели глаза и гудела голова от бесконечных правок и неопределённости пожеланий клиента.

Вернувшись домой, он даже не стал включать свет в прихожей. Он просто бросил рюкзак у двери, скинул ботинки и прошёл прямо на кухню. Сил готовить что-то сложное не было совсем. Кёнсу ощущал себя выжатым как лимон. Он достал из шкафчика знакомую пластиковую миску и пачку рамена со вкусом кимчи — это было его спасение в дни, когда усталость полностью поглощала желание что-либо делать.

Кёнсу поставил чайник. Вода зашумела привычным гулом, который немного успокоил его взвинченные нервы. Он открыл пачку лапши, вдохнул сухой запах приправы — смесь глутамата натрия и сушёной зелени а затем высыпал содержимое в миску. В этот момент он на секунду закрыл глаза, пытаясь представить, что находится где-то далеко от своего рабочего стола и бесконечных правок.

Вода начала бурлить, и закипела со щелчком выключателя. Кёнсу взял чайник и начал медленно лить кипяток на сухую лапшу. Пар поднялся густой белой стеной, окутав его лицо теплом. Запах стал резче, острее, и на мгновение Кёнсу показалось, что он снова находится в родном квартале в Сеуле, где запах кимчи всегда витал в воздухе.

Он поставил чайник обратно на исходное положение и накрыл миску крышкой. Обычно после этого он брал телефон и листал соцсети, пока еда настаивается. Но сегодня что-то пошло не так. Кёнсу просто стоял над столом и смотрел вниз, на поверхность воды под прозрачной крышкой. Вода была неподвижна. Идеально гладкая поверхность казалась не жидкой субстанцией, а твёрдым чёрным обсидианом или куском отполированного оникса. В ней отражался свет потолочной лампы — яркая белая точка посередине тёмного круга.

Кёнсу моргнул. Ему показалось... Нет, это было невозможно. В отражении лампы что-то изменилось. Белая точка вдруг перестала быть просто светом. Она приобрела форму. Это был силуэт человека? Или нет... Слишком вытянутый для человека. Слишком угловатый. Кёнсу почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он наклонился ниже, почти касаясь носом крышки миски. Пар от рамена обжёг ему брови, но он этого даже не заметил. Силуэт в воде двигался. Он не был статичным отражением лампы или его собственного лица (которое сейчас было скрыто крышкой). Там, под толщей кипятка и лапши, происходило что-то иное.

Кёнсу ощутил, как сердце начало биться чаще. Ему показалось, что он видит движение теней. Будто там, в этой маленькой вселенной диаметром с миску для рамена, раскинулся

какой-то пейзаж. Тёмные силуэты напоминали ветви мёртвых деревьев или руины гигантских сооружений из чёрного стекла. «Это просто пар искажает зрение», — попытался успокоить себя Кёнсу. Но голос разума звучал глухо и неуверенно. Он смотрел ещё несколько секунд. И вдруг... ему показалось, что из глубины этой тёмной глади на него кто-то смотрит в ответ. Не человек с глазами, а нечто бесформенное, чьё внимание ощущалось как давление на барабанные перепонки.

Вода оставалась гладкой как зеркало. Кёнсу резко выпрямился и отшатнулся от стола так быстро, что чуть не опрокинул чайник за спиной. Сердце колотилось где-то в горле. — Что за... — прошептал он в пустоту кухни. Он тёр глаза кулаками, словно пытаясь стереть наваждение усталостью дня и паром от еды. «Мне показалось», — твёрдо сказал он себе вслух. Звук собственного голоса немного отрезвил его.

Кёнсу решительно снял крышку с миски. Облако пара вырвалось наружу с шипением. Запах кимчи ударил в нос резкой волной реальности. Поверхность воды больше не была чёрной бездной. Это была просто вода с плавающими в ней брикетами лапши и хлопьями специй. Кёнсу выдохнул с облегчением и даже усмехнулся собственной глупости.

— Я совсем переутомлён, пробормотал он, доставая палочки из ящика стола, в котором также находились различные металлические приборы.

Он сел за стол, перемешал рамен палочками и начал есть прямо из миски, обжигая язык горячим бульоном. Вкус был таким же знакомым и земным: соль, острота перца, кислинка кимчи. Это вернуло его в привычную колею реальности номер один. Он доел ужин за десять минут, поставил пустую миску в раковину и пошёл к своему футону включать компьютер для вечернего ритуала просмотра сериала.

Но когда он проходил мимо кухонного окна по пути к розетке для зарядки телефона, его взгляд случайно упал вниз, на асфальт двора после недавнего дождя. Там была лужа. Обычная грязная лужа у бордюра, в которой отражались огни соседнего дома: светящиеся квадраты окон и красный огонёк сигнализации припаркованной машины. Кёнсу замер на полушаге. В отражении лужи свет из окон соседнего дома горел другим цветом. В реальности они были обычными жёлтыми прямоугольниками (кто-то смотрел телевизор), но там... там они пульсировали холодным синим светом, похожим на излучение монитора в тёмной комнате или свет глубоководных рыб-удильщиков. А красный огонёк сигнализации машины... он не мигал привычно раз в секунду. В луже он медленно полз вверх по капоту автомобиля против законов гравитации и физики отражения света от мокрого асфальта.

Кёнсу моргнул один раз. Снова посмотрел вниз через стекло окна второго этажа. Лужа выглядела абсолютно нормально. Грязная вода отражала реальность без искажений: жёлтый свет окон полз вниз по законам оптики, красный огонёк мигал внизу бампера машины. Кёнсу моргнул ещё раз. Сжал веки сильнее обычного и резко открыл глаза. Ничего. Обычный двор-колодец типовой застройки Сеула поздним вечером.

Он постоял так ещё секунд тридцать, чувствуя себя полным идиотом у окна своей тёмной квартиры. Затем встряхнул головой, словно отгоняя наваждение, и пошёл к компьютеру щёлкать мышкой по иконке плеера. Экран вспыхнул синим светом заставки сериала о школьной любви в 90-х годах прошлого века. Знакомая мелодия опенинга начала играть из динамиков ноутбука. Кёнсу лёг на футон и укрылся пледом до самого носа. Он смотрел серию за серией, но сюжет проходил мимо его сознания. Мысли постоянно возвращались к двум моментам: к чёрной глади воды под крышкой от рамена и к луже во дворе со светом, ползущим вверх по капоту машины.

Это просто усталость, думал он уже засыпая под бормотание героев драмы о выпускном бале. Глаза болят от монитора. Но где-то глубоко внутри него поселилось крошечное зёрнышко сомнения, холодное и острое как льдинка. Оно царапало сознание тихим вопросом: — А если нет?

Он заснул с этим вопросом в голове, так и не найдя ответа. А когда утром следующего дня он шёл к метро по той же самой улице после ночного дождя... он старательно обходил каждую лужу стороной, делая вид в первую очередь самому себе, что это просто привычка аккуратного человека не пачкать обувь грязью из-под колёс машин. В глубине души он понимал, что дело не только в грязи, но боялся признаться себе в своих новых страхах.

ЛАВКА МЕЖДУ МИРАМИ

Обычным вечером, возвращаясь с работы, Кёнсу неторопливо шёл по сеульскому переулку, погружённый в свои мысли.

Его кроссовки привычно шаркали по серому асфальту, а в руке остывал картонный стаканчик с латте — уже третий за вечер. Он пил кофе не ради вкуса или бодрости, а скорее чтобы занять руки и создать иллюзию бурной деятельности. В наушниках играла какая-то невнятная группа, название которой он даже не помнил или не знал. В её мелодии не было ничего запоминающегося, но она помогала заглушить внутренний голос, который то и дело напоминал о рутине и однообразии жизни.

Недавно он закончил долгий разговор с коллегой Джису. Они болтали о пустяках: обсудили новую драму, которая вроде бы должна была стать хитом, но не вызвала у Кёнсу особого интереса; поговорили о странных явлениях — например, о том, что ему померещилось в плече и в луже, — и сошлись во мнении, что пора бы уже перестать заказывать еду на дом каждый вечер, иначе холодильник точно объявит бойкот.

— Ты там хоть гуляешь? — спросил тогда Джису.

— Гуляю, — соврал Кёнсу, глядя в окно на стену соседнего дома. Сейчас, вспоминая этот разговор, он вдруг почувствовал укол совести.

Ноги сами понесли его прочь от знакомой кофейни, мимо витрин магазинов одежды, где манекены казались смотрящими на него с укором, словно осуждая за ложь и бездействие.

Город вокруг жил своей жизнью: гудели машины, пахло жареной уличной едой и озонном после недавнего ночного дождя. Кёнсу свернул в узкий переулок, который обычно срезал путь к метро. Но сегодня этот маршрут казался ему чужим. Здесь было тише, свет фонарей отражался в мокрой брусчатке, превращая её в жидкое зеркало. Воздух здесь пах иначе —

не выхлопными газами, а чем-то древним: старой бумагой, пылью и едва уловимой сладостью благовоний. Казалось, время здесь текло по-другому, медленнее и осязаемее.

Он остановился, чтобы сделать глоток кофе, и поднял глаза. Прямо перед ним стояла дверь — тяжёлая, резная деревянная дверь, обрамлённая тёмными узорами, которых здесь просто не могло быть. Над ней висела тусклая медная вывеска, буквы на которой были стёрты временем настолько, что прочитать название было невозможно.

Кёнсу был уверен, что вчера этой двери здесь точно не было. Любопытство пересилило здравый смысл, и он толкнул дверь. Она поддалась почти беззвучно, и перед ним открылся полумрак, наполненный ароматом тысяч историй. Помещение оказалось просторным, стеллажи уходили под потолок, ломясь от фарфоровых кукол, ржавых ключей и книг в кожаных переплётках. Всё это напоминало сокровищницу забытых эпох, место, где хранились тайны и истории, давно ушедшие из мира живых, подобно сюжету фильма об Индиане Джонсе.

За прилавком никого не было. Горела лишь одна настольная лампа с зелёным абажуром, освещая серебряные карманные часы на цепочке. Рядом лежала табличка с надписью: «Время — это всего лишь договорённость. Иногда его нужно остановить, чтобы услышать настоящее».

Эти слова задели что-то в душе Кёнсу, словно пробудив давно забытое чувство. Рука сама потянулась к часам. Как только он коснулся холодного металла, мир дрогнул. Из-за стеллажа вышел старик с абсолютно чёрными глазами, словно демон вселился в его тело из самой преисподней.

— А, вот и ты! — скрипуче произнёс он. — Я ожидал появления кого-то наподобие тебя, молодой человек, утомлённого однообразием повседневности.

Кёнсу был поражён и испуган, но в то же время в его душе зародилось странное чувство предвкушения и тайны.

«Я ждал тебя. Того, кто так отчаянно хочет сбежать от своей серой жизни, что готов шагнуть за грань. Но послушай меня внимательно. То, от чего ты бежишь — скука, однообразие — покажется тебе раем по сравнению с тем, что вырвется наружу. Внутри этих часов — концентрированное ничто. Оно манит таких, как ты, обещанием тайны и силы. Но оно не даст тебе ничего, кроме безумия. Оно покажет тебе лица всех, кто исчез в ту секунду. Оно заставит тебя слушать их вечно. Остановленное время — это клетка. Не пытайся открыть дверь. Иначе ее обитатели выйдут первыми».

Старик усмехнулся: «Ошибки нет». Он что-то бормотал себе под нос, а затем добавил: «Мир тебя выбрал. Или ты его».

Чёрные глаза пристально уставились на него, они казались безжизненными и полными тайн. Слова повисли в воздухе. Страх сковал тело, но пальцы намертво сжали часы. Станный старик быстро растворился в темноте, оставив Кёнсу одного.

Желание бежать боролось с иррациональным чувством обладания тайной. Фраза «Мир тебя выбрал» билась в висках. Недоумение и трепет перед неизвестным вытеснили панику. Кёнсу инстинктивно положил часы в карман, словно они были его собственностью. При этом он не совершал кражи, а лишь ощущал, как в его душе зарождается нечто новое и неизведанное.

Закрыв за собой дверь лавки, наш герой шагнул на улицу. Мир снаружи изменился. Звуки стали приглушёнными, капли дождя падали с идеальной ритмичностью метронома.

«Дождь?» — удивился он, ведь несколько минут назад его не было. Каждая секунда бытия стала осязаемой. Он чувствовал тяжесть часов в кармане — не физическую, а какую-то иную, словно внутри механизма спал маленький зверь, готовый в любой момент пробудиться и изменить ход событий.

Вернувшись домой, Кёнсу долго стоял посреди своей крошечной съёмной квартирki, глядя на часы так, будто они могли взорваться. Обыденность комнаты — разбросанные носки, гора посуды в раковине, мигающий светодиод роутера — казалась оскорбительной по сравнению с магией, которую он принёс с собой. Ему отчаянно хотелось проверить часы. Не просто

посмотреть время, а заглянуть внутрь, понять, как они работают, почувствовать их силу. Это было глупо, опасно и совершенно безрассудно. Именно поэтому он должен был это сделать.

Это и стало его первым сознательным нарушением запрета. Запрета, который никто не озвучивал вслух, но который читался во всём: в тишине лавки, в словах старика, в застывших стрелках. Часы выбрали его, чтобы хранить остановленное время, а не чтобы пытаться запустить его снова. Но любопытство и жажда познания оказались сильнее разума. Кёнсу схватил кухонный нож с тонким лезвием. Руки дрожали, но не от страха, а от предвкушения запретного плода. Он положил часы на стол, щёлкнул крышкой и поддел механизм. Механизм поддался неожиданно легко. Внутри была сломана тонкая ось, удерживающая пружину. Всего один удар ножа по металлу, одно резкое движение, чтобы выпрямить её...

Мир ответил мгновенно и жестоко. Воздух в комнате загустел, став похожим на холодный кисель. Свет лампочки под потолком начал пульсировать, становясь то невыносимо ярким, то погружая комнату в крошечную тьму. Стрелки часов дёрнулись. Сначала минутная рывком прыгнула на одну минуту вперёд, затем секундная начала бешено вращаться против часовой стрелки. И вместе с этим движением началось разрушение реальности.

Звук вернулся, но это был не звук его дыхания или гул холодильника. Это был оглушительный скрежет рвущейся ткани мироздания. Фотография на стене, где он был запечатлён с родителями год назад, пошла трещинами прямо в рамке. На стекле циферблата проступила испарина, хотя в квартире было сухо. Кёнсу слышал голоса — десятки, сотни голосов, говорящих одновременно, шепчущих, кричащих на разных языках. Это были не звуки из соседних квартир. Это были воспоминания, мысли и последние слова людей, чьё время оборвалось именно в эту секунду — без пяти двенадцать.

Его собственная тень на стене начала жить своей жизнью. Она отделилась от ног, вытянулась вверх, превратившись в долговязую фигуру, и медленно повернула голову, глядя на своего хозяина пустым провалом вместо лица. Комната начала искажаться. Углы стен перестали быть прямыми, пол накренился, и Кёнсу пришлось ухватиться за край стола, чтобы не соскользнуть в образовавшуюся воронку пространства. Осознание ужаса пришло ледяной волной. Он сделал что-то непоправимое. Нарушил хрупкий баланс. Время, которое должно было оставаться мёртвым грузом в его кармане, вырвалось наружу, и оно было голодным. Оно пожирало стабильность его маленького мира.

Паника переросла в животный страх. Выбросить! Немедленно выбросить эту проклятую вещь! Кёнсу разжал руку, но нож со звоном упал на пол. Пальцы свело судорогой, они отказывались подчиняться. Металл словно вплавился в кожу ладони, став частью его тела. Секундная стрелка вращалась всё быстрее, сливаясь в серебристое пятно. Голоса становились громче, переходя в визг.

Собрав остатки воли, Кёнсу не стал бороться с предметом. Вместо этого он сделал единственное, что мог придумать в этом хаосе. Он действовал интуитивно, следуя логике поломки. Если он запустил механизм насильно, силой, значит, останавливать его нужно противоположным способом — спокойствием.

Задышавшись, он заставил себя выдохнуть. Медленно, очень медленно, он протянул свободную руку к механизму. Скрежет достиг пика: казалось, барабанные перепонки сейчас лопнут. Кёнсу не смотрел на свою обезумевшую тень. Он смотрел только на сломанную ось. Он не пытался её починить. Он нажал на неё большим пальцем, вдавливая глубже, ломая окончательно то, что сам же попытался исправить грубой силой.

Щёлчок прозвучал как выстрел в оглушающей тишине, которая наступила сразу после. Всё замерло. Прекратилось вращение стрелки. Смолк хор голосов. Тень на стене съёжилась и вернулась к его ногам, послушно повторяя контуры тела. Свет перестал мигать, вернувшись к ровному желтоватому свечению. Воздух снова стал обычным воздухом.

Несколько минут Кёнсу сидел на полу, прислонившись спиной к дивану, и просто дышал. Сердце колотилось где-то в горле. Часы в его руке снова были холодными и неподвижными. Без пяти минут двенадцать. Механизм был разрушен окончательно и бесповоротно. Теперь это был просто кусок мёртвого серебра. Но урок был усвоен. Мир ответил на его дерзость, показав, насколько тонка грань между обыденностью и первобытным ужасом. Чувства, которые теперь владели им, были сложными. Остаточный страх ещё охлаждал позвоночник, но главным было глубокое, всеобъемлющее уважение — уважение к силе, которую он держал в руках.

Он больше не хотел выбрасывать предмет. Мысль отдать его кому-то другому вызывала тошноту. Эта вещь принадлежала ему, она несла на себе отпечаток его ошибки. Кёнсу поднялся, подошёл к комоду и выдвинул верхний ящик. Там лежало чистое постельное бельё. Он аккуратно расчистил место посередине и положил туда часы. Затем он задвинул ящик обратно. Щелчок дерева о дерево прозвучал как финальная точка.

Теперь это был его секрет. Его ответственность. Он понял, почему старик сказал: «Или ты — его». Потому что теперь, пережив гнев времени, он действительно принадлежал этому предмету так же, как предмет принадлежал ему. Они заключили новый, молчаливый пакт. Кёнсу будет хранить его покой, а взамен... Взамен он получил знание: знание о том, что реальность можно сломать одним неверным движением и что иногда самое правильное решение — это оставить всё как есть.

Он лёг спать, стараясь не думать о том, что лежит в ящике комода в двух метрах от него. Завтра прозвонит будильник, начнётся новый рабочий день. Но, засыпая, Кёнсу знал наверняка: он никогда больше не будет смотреть на время так, как раньше. В его душе что-то изменилось, и он понимал, что это изменение необратимо. Теперь он знал, что мир гораздо сложнее и опаснее, чем казалось раньше, и что даже самые обычные вещи могут таить в себе невероятную силу и тайну.

СНЫ ИНЫХ МИРОВ

Эта ночь разительно отличалась от всех предыдущих. Кёнсу метался на своём спальном месте, словно больной в лихорадке. Ледяной пот струился по его лицу, и казалось, что единственное, что могло бы принести ему облегчение, — это влажная тряпка, проведённая по пылающему лбу.

Его тело содрогалось от внутреннего напряжения, а дыхание было прерывистым и тяжёлым. Он что-то невнятно мычал во сне, будто пытаясь убежать от каких-то страшных видений, которые терзали его сознание. Рядом, в одном из ящиков комода, ярко-жёлтым светом сияли те самые часы — запретный плод, который, казалось, тикал в тишине, напоминая своему новому владельцу, что он всё ещё жив. Часы словно говорили: «Посмотри, я всё ещё работаю, ты не смог меня сломать, потому что невозможно уничтожить то, что находится за пределами человеческого мира». Их свет пробивался сквозь темноту, создавая причудливые узоры на стенах и потолке.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов и тяжёлым дыханием Кёнсу. Золотистые нити начали медленно приближаться к его рассудку, словно пытаясь проникнуть в самые глубины его души. Казалось, что артефакт хочет что-то сказать, но не может, лишь посылает небольшие образы, оживляя их в его сне. В это время Кёнсу переживал нечто невероятное — ему казалось, что он смотрит фильм в огромном кинозале. Перед ним возникли два воина, они были настоящими самураями. Их облачение было поистине великолепным: чёрно-жёлтое кимоно подчёркивало их загорелую кожу, а на головах красовались дзингасы — головные уборы из бамбука, которые защищали от перегрева и сильной смуглости. Кёнсу мог разглядеть каждую деталь их одежды и оружия, словно находился рядом с ними.

Вокруг раскинулась великолепная поляна неизвестного мира, украшенная красивыми ветвями деревьев. Цветущие сакуры завораживали своей красотой, словно приглашая прикоснуться к их бархатным лепесткам. Их нежные цветы, словно маленькие звёзды, парили в воздухе, создавая ощущение нереальности и волшебства. Кёнсу показалось, что это место ему знакомо, хотя он никогда не видел его в реальности. Красота сакур была неопишима — одно удовольствие просто смотреть на них, как Ева смотрела на яблочный плод в саду, пока не решила его вкусить. Воздух был наполнен ароматом цветов, который проникал в лёгкие и вызывал странное чувство тоски и восхищения одновременно.

Внезапно слово «запретный» словно вырвало Кёнсу из его сна, и перед его глазами начали меняться картинки. Он увидел, как нежные лепестки сакуры падают на землю, словно белый пушистый снег в зимнее время года. Они кружились в воздухе, создавая причудливые узоры, а затем медленно опускались на траву, покрывая её мягким ковром.

Снова появились два брата, но с самурайскими мечами в руках — смертоносным оружием, готовым к бою. Их лица были суровыми и решительными, а глаза горели огнём борьбы. «Сейчас бы покорн», — мелькнула мысль у Кёнсу, но тут он почувствовал в руках прохладу — это был артефакт, который напоминал о себе тиканьем. «Не может быть, — подумал Кёнсу, — я же раздавил тебя!» Он лёгким движением приоткрыл заднюю крышку карманных часов, но она легко поддалась, и он увидел, что все механизмы на месте и работают в отличном состоянии. Каждый винтик и шестерёнка блестели, словно были сделаны из драгоценного металла.

Кёнсу поднял глаза и заметил безликую тень, которая пристально смотрела на него, словно змея, пытающаяся поймать ритм. Фантом танцевал в такт человеческим чувствам, говоря о спокойствии и тишине, как вода. Но Кёнсу обратил внимание, что очертания силуэта похожи на одного из братьев. Отражение быстро устремилась к одному из самураев, остановилась рядом с ним и положила руку на плечо, превращаясь в человеческий след. Казалось, что она шепчет что-то воину, но Кёнсу не мог разобрать слов.

Картинки начали меняться одна за другой, словно Кёнсу просматривал старую плёнку фотокубика. Появились образы самураев, мечей и карманных часов. Звуки искажались до неузнаваемости: свист ветра смешивался с низким гулом далёкого гонга и сухим треском ломающихся веток. Начался немыслимый бой. Металл звенел так звонко и чисто, словно был правильно закалён в водах священной реки и не уступал в прочности даже самым быстрым клинкам из небесного железа. Каждый удар высекал снопы искр — не оранжевых или красных, а пронзительно-синих и фиолетовых. Эти искры падали на землю и тут же гасли в густой траве,

оставляя после себя лишь лёгкое свечение. Воздух наполнился запахом железа и крови, а земля дрожала от силы ударов.

Следом наступила темнота. Кёнсу всё так же смотрел на стрелки часов под своей ладонью. Они были идеально гладкими и блестящими; циферблат не был потрёпан временем или царапинами от небрежного обращения — стрелки двигались с пугающей точностью по кругу из чистого золота. «Тик-так... тик-так...» — слышалось в пустоте его подсознательного сна. Звук был не механическим и бездушным; он был живым, словно сердце самого времени. «Это твой прошлый хозяин», — словно сказал наш герой голосом без интонаций. И в тот же миг стрелки затихли. Наступило безмолвие такой плотности, что оно давило на уши физически. В этой абсолютной тишине Кёнсу показалось, что механизм говорит ему: «Ты правильно всё понял... да-да... парень». Часы словно делились с ним тайной, которую он не был готов услышать.

Затем начали появляться новые изображения: один брат отчаянно нёс на руках близкого человека. Их лица были искажены гримасой боли и нечеловеческой усталости. Доспехи были измяты ударами вражеских катан и залиты тёмной кровью, которая стекала по металлу, оставляя тёмные следы. Среди них возникали образы других солдат — павших в бою товарищей с остекленевшими глазами и лицами цвета пепла. Их тела лежали на земле, словно сломанные куклы, а вокруг царила атмосфера безысходности и горя.

Брат не смог вынести смерти родной души. Его разум помутился от горя и ярости. Он опустил тело на холодные камни древнего святилища и обратился к старейшинам древней магии — тем самым хранителям тайн времени и пространства. Он не просил исцеления; он требовал невозможного. Его голос дрожал от отчаяния, а глаза были полны слёз. Он был готов на всё, чтобы вернуть брата к жизни, даже если это означало сделку с самим злом.

Он воскресил брата с помощью древнего обряда. Это была сделка с самой тьмой: ритуал позволял черпать энергию из других миров и вселенных, договариваться с любыми существами за гранью бытия. Чтобы вернуть душу из-за черты смерти в изуродованное тело, требовалась жертва — не просто кровь или жизнь животного. Требовалась душа другого живого существа или вечное служение тому злу, которое откликнется на зов. Воздух наполнился запахом серы и разложения, а земля завибрировала от силы мольбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.